

Хроника капитана Блада

Автор:

Рафаэль Сабатини

Хроника капитана Блада

Рафаэль Сабатини

Одиссея Капитана Блада #2

Вторая книга классики историко-приключенческого романа – трилогии о Питере Бладе!

Выписки из судового журнала молодого шкипера Джереми Питта продолжают рассказ о странствиях благородного пирата и команды «Арабеллы».

Один из самых коварных негодяев, бороздящих моря, капитан Истерлинг, объявил Бладу войну не на жизнь, а на смерть. Питер Блад принимает вызов. Оказавшись на острове Тортуга с горсткой беглых каторжников, он вступает в открытое противостояние с Истерлингом. Однако капитан еще не знает, что в его окружение проник изменник...

Удастся ли Бладу выскользнуть из расставленной ловушки? И о каких еще захватывающих приключениях мы узнаем из хроники?

Рафаэль Сабатини

Хроника капитана Блада

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского Т. Озерской

© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Холостой выстрел

В судовом журнале, оставленном Джереми Питтом, немалое место уделено длительной борьбе Питера Блада с капитаном Истерлингом, и последний предстает перед нами как некое орудие судьбы, решившее дальнейшую участь тех заключенных, которые, захватив корабль «Синко Льягас», бежали на нем с Барбадоса.

Люди эти могли уповать лишь на милость случая. Изменись тогда направление или сила ветра, и вся их жизнь могла сложиться по-иному. Судьбу Питера Блада, без сомнения, решил октябрьский шторм, который загнал десятипушечный шлюп капитана Истерлинга в Кайонскую бухту, где «Синко Льягас» безмятежно покачивался на якоре почти целый месяц.

Капитан Блад вместе с остальными беглецами нашел приют в этом оплоте пиратства на острове Тортуга, зная, что они могут укрыться там на то время, пока не решат, как им надлежит действовать дальше. Их выбор пал на эту гавань, так как она была единственной во всем Карибском море, где им не угрожало стать предметом докучливых расспросов. Ни одно английское поселение не предоставило бы им приюта, памятуя об их прошлом. В лице Испании они имели заклятого врага, и не только потому, что были англичанами, а главным образом потому, что владели испанским судном. Ни в одной французской колонии они не могли бы чувствовать себя в безопасности, ибо между правительствами Франции и Англии только что было заключено соглашение, по которому обе стороны взаимно обязались задерживать и

препровождать на родину всех беглых каторжников. Оставалась еще Голландия, соблюдавшая нейтралитет. Но Питер Блад считал, что состояние нейтралитета чревато самыми большими неожиданностями, ибо оно открывает полную свободу действий в любом направлении. Поэтому, держась подальше от берегов Голландии, как и от всех прочих населенных мест, он взял курс прямо на остров Тортуга, которым владела французская Вест-Индская компания и который являлся номинально французским, но именно только номинально, а по существу не принадлежал никакой нации, если, конечно, «береговое братство» – так именовали себя пираты – нельзя было рассматривать как нацию. Во всяком случае, законы Тортуги не вступали в противоречие с законами столь могущественного братства. Французское правительство было заинтересовано в том, чтобы оказывать покровительство этим стоящим вне закона людям, дабы они, в свою очередь, могли послужить Франции, стремившейся обуздать алчность Испании и воспрепятствовать ее хищническим посягательствам на Вест-Индию.

Поэтому беглецы – бунтовщики и бывшие каторжники – почувствовали себя спокойно на борту «Синко Льягас», бросившего якорь у Тортуги, и только появление Истерлинга возмутило этот покой, вынудило их положить конец бездействию и определило тем их дальнейшую судьбу.

Капитан Истерлинг – самый отъявленный негодяй из всех, бороздивших когда-либо воды Карибского моря, – держал в трюме своего судна несколько тонн какао, облегчив от этого груза голландский торговый корабль, возвращавшийся на родину с Антильских островов. Подвиг сей, как ему вскоре пришлось убедиться, не увенчал его славой, ибо слава в глазах этого пирата измерялась ценностью добычи, ценность же добычи была в этом случае слишком ничтожна, чтобы поднять капитана во мнении «берегового братства», бывшего о нем не слишком высокого мнения. Знай Истерлинг, что груз голландского купца столь небогат, он дал бы судну спокойно пройти мимо. Но, взяв его на абордаж, он почел долгом в интересах всей шайки негодяев, служивших под его командой, забрать хотя бы то, что нашлось. Если на корабле не оказалось ничего более ценного, чем какао, то в этом, конечно, была повинна злая судьба, которая, как считал Истерлинг, преследовала его последнее время, отчего ему с каждым днем становилось все труднее вербовать для себя людей. Раздумывая над этим и мечтая о великих подвигах, он привел свой шлюп «Бонавентура» в укромную, скалистую гавань Тортуги, как бы самой природой предназначенную служить надежным приютом для кораблей. Отвесные скалы, вздымаясь ввысь, ограждали с двух сторон этот небольшой залив. Проникнуть в него можно было только через два пролива, а для этого требовалось искусство опытного лоцмана. Рука

человека продолжила здесь дело природы, воздвигнув Горный форт – грозную крепость, защищавшую вход в проливы. Из этой гавани французские и английские пираты, превратившие ее в свое логово, могли спокойно бросать вызов могуществу испанского короля, к которому они все питали лютую ненависть, ибо это он своими преследованиями превратил их из мирных поселенцев в грозных морских разбойников.

Однако, войдя в гавань, Истерлинг позабыл о своих мечтах – столь удивительным оказалось то, что предстало ему здесь наяву. Это необычайное видение имело форму большого корабля, чей алый корпус горделиво возвышался среди остальных мелких суденышек, словно величавый лебедь в стае гусей. Подойдя ближе, Истерлинг прочел название корабля, выведенное крупными золотыми буквами на борту, а под ним – и название порта, к которому корабль был приписан: «Синко Льягас», Кадис. Истерлинг протер глаза и прочел снова. После этого ему оставалось только теряться в догадках о том, как этот великолепный испанский корабль мог очутиться в таком пиратском гнезде, как Тортуга. Корабль был прекрасен – весь от золоченого украшения на носу, над которым поблескивали на солнце медные жерла пушек, до высокой кормы; прекрасен и могуч, ибо опытный глаз Истерлинга уже насчитал сорок орудий за его задраенными портами.

«Бонавентура» бросил якорь в десяти сажнях от большого корабля в западной части гавани у самого подножия Горного форта, и капитан Истерлинг сошел на берег, спеша найти разгадку этой тайны.

На рыночной площади за молом он смешался с пестрой толпой. Здесь шумели и суетились торговцы всевозможных национальностей, но больше всего было англичан, французов и голландцев; здесь встречались путешественники и моряки самого различного рода; флибустьеры, все еще остававшиеся таковыми, и флибустьеры, уже откровенно превратившиеся в пиратов; здесь были лесорубы, ловцы жемчуга, индусы, негры-рабы, мулаты – торговцы фруктами и множество других представителей рода человеческого, которые ежедневно прибывали в Кайонскую бухту – одни, чтобы поторговать, другие, чтобы просто поклоняться. Истерлинг без труда отыскал двух хорошо осведомленных прощелыг, и те охотно поведали ему необычайную историю благородного кадисского судна с кучкой беглых каторжников на борту, бросившего якорь в Кайонской бухте.

Истерлинга рассказ этот не только позабавил, но и ошеломил. Он пожелал получить более подробные сведения о людях, принимавших участие в этом неслыханном предприятии, и узнал, что их всего десятка два, не больше, и что все они – политические преступники-бунтовщики, сражавшиеся в Англии на стороне Монмута и не попавшие на виселицу только потому, что вест-индским плантаторам требовались рабы. Ему доложили все, что было известно и об их вожаке Питере Бладе. Прежде он был врачом, сообщили ему, и добавили еще кое-какие подробности.

Шел слух, что Питер Блад хочет вернуться к профессии врача и потому решил вместе с большинством своих сподвижников при первой возможности отвести корабль обратно в Европу. Лишь кое-кто из самых отчаянных головорезов, неразлучных с морем, выразили желание остаться здесь и примкнуть к «береговому братству».

Вот что услышал Истерлинг на рыночной площади, позади мола, пока его острый взгляд продолжал рассматривать и изучать большой красный корабль.

Будь у него такой корабль, каких бы дел мог он натворить! Перед глазами Истерлинга поплыли видения. Слава Генри Моргана, под командой которого он когда-то плавал и который посвятил его в науку пиратства, померкла бы перед его славой! Несчастные беглые каторжники, надо полагать, будут только рады продать ему этот корабль, уже сослуживший им свою службу, и, верно, не заломят за него слишком высокую цену. Хватит с них и груза какао, спрятанного в трюме «Бонавентуры».

Капитан Истерлинг погладил свою черную курчавую бороду и улыбнулся. У него-то сразу хватило смекалки сообразить, какие возможности таятся в этом корабле, который уже месяц как стоит здесь на причале у всех на виду. Так, значит, ему и поживиться, раз он оказался умнее всех.

И он побрел через весь город мимо невзрачных домишек, по запорошенной коралловой пылью дороге – такой ослепительно-белой под ярким солнцем, что глаз человека невольно старался отдохнуть на пятнах тени, ложившихся на дорогу от росших по сторонам ее чахлах пальм.

Он так спешил к своей цели, что прошел мимо таверны «У французского короля», не обратив внимания на тех, кто окликал его с порога, и не зашел

выпить стакан вина с веселой и шумной пиратской братией, разодетой причудливо и пестро. Дело влекло его в этот утренний час к господину д'Ожерону, почтенному, любезному губернатору Тортуги, представлявшему в своем лице и французскую Вест-Индскую компанию, и тем самым как бы и саму Францию и с достоинством высокого сановника обделывавшему дела сомнительной честности, но несомненной прибыточности для компании.

В красивом белом доме с зелеными ставнями, уютно укрывшемся среди ароматных перечных деревьев и душистых кустарников, губернатор – худощавый, элегантно одетый француз, принесший в дикие просторы Тортуги отзвук непринужденной галантности Версаля, – оказал капитану Истерлингу церемонно-дружелюбный прием.

Шагнув из слепящей белизны улицы в прохладу просторной комнаты, куда свет проникал лишь сквозь узкие щели между планками закрытых ставен, капитан Истерлинг в первое мгновение погрузился, как ему показалось, в кромешную тьму, и лишь постепенно глаза его освоились с полумраком.

Губернатор предложил ему сесть и приготовился его выслушать.

Что касалось груза какао, то этот вопрос не встретил никаких затруднений. Господина д'Ожерона ни в коей мере не интересовало, откуда взялся этот груз. Впрочем, он не питал на этот счет никаких иллюзий, что явствовало из цены, за которую он готов был этот груз приобрести. Он предложил примерно половину нормальной рыночной стоимости. Губернатор д'Ожерон весьма добросовестно соблюдал интересы французской Вест-Индской компании.

Истерлинг сделал безуспешную попытку поторговаться, поворчал немного, уступил и перешел к главному вопросу. Он заявил о своем желании приобрести испанское судно, стоящее в гавани на якорю. Не согласится ли господин д'Ожерон купить это судно от его имени у беглых каторжников, которые, как известно, сейчас им владеют?

Господин д'Ожерон ответил не сразу.

– Но быть может, – сказал он, подумав, – они не захотят его продать.

– Не захотят продать? Помилуй Бог, зачем этим несчастным оборванцам такой корабль?

– Я лишь высказываю предположение, что и такая возможность не исключена, – заметил д’Ожерон. – Зайдите ко мне сегодня вечером, и я дам вам ответ.

Капитан Истерлинг повторил свой визит, как ему было предложено, и застал д’Ожерона не одного. Когда губернатор встал, приветствуя своего гостя, следом за ним поднялся высокий худощавый мужчина лет тридцати с небольшим; на смуглом, как у цыгана, гладко выбритом лице его невольно приковывали к себе внимание синие глаза, смотревшие твердо и пронизательно. Если господин д’Ожерон манерами и платьем заставлял вспомнить Версаль, то его гость невольно приводил на память Аламеду. На нем был дорогой черный костюм испанского покроя, украшенный серебряной пеной пышных кружевных манжет и жабо, и черный парик с локонами до плеч.

Господин д’Ожерон представил незнакомца:

– Вот, капитан, это мистер Питер Блад – он сам ответит на ваш вопрос.

Истерлинг был сильно обескуражен – так не вязалась внешность этого человека с тем обликом, который он заранее себе нарисовал. Капитан подумал было, что все эти красивые испанские одежды украдены, надо полагать, у бывшего командира «Синко Льягас», но тут этот необыкновенный беглый каторжник отвесил ему поклон с изысканной грацией придворного. Однако капитан Истерлинг припомнил еще кое-что.

– Ага! Как же, знаю, вы – доктор! – сказал он и рассмеялся, несколько не к месту.

Питер Блад заговорил. У него был красивый голос; чуть металлические нотки его смягчались ирландским акцентом. Однако его слова лишь пробудили нетерпеливое раздражение капитана Истерлинга – оказывается, продажа «Синко Льягас» не входила в намерения мистера Блада.

Пират принял угрожающую позу: он стоял перед элегантным Питером Бладом – огромный, волосатый, свирепый, в грубой рубаше и кожаных штанах, в желто-красном цветастом платке, стянутом узлом на коротко остриженной голове. Вызывающим тоном он потребовал у Блада объяснений: по какой причине хочет

он удержать в своих руках корабль, который совершенно не нужен ни ему, ни другим беглым каторжникам, его дружкам.

Ответ Питера Блада прозвучал вежливо и мягко, что лишь усилило презрительное отношение к нему Истерлинга. Мистер Блад готов был заверить капитана Истерлинга, что его предположение несколько ошибочно. Вполне возможно, что беглецы с Барбадоса захотят использовать это судно, чтобы вернуться на нем в Европу – во Францию или в Голландию.

– Быть может, мы не совсем те, за кого вы нас принимаете, капитан. Один из моих товарищей – опытный шкипер, а трое других несли различную службу в английском королевском флоте.

– Ба! – Вся мера презрения Истерлинга выразилась в этом громогласном восклицании. – Вы что, спятили? Это опасная штука – плавать по морю, приятель. А если вас схватят? Такое ведь тоже может случиться! Что вы будете тогда делать с вашей жалкой командой? Об этом вы подумали?

Но Питер Блад был все так же спокоен и невозмутим.

– Если у нас маловато матросов, то вполне достаточно пушек и полновесных ядер. Провести корабль через океан я, быть может, и не сумею, но командовать этим кораблем, если придется принять бой, безусловно могу. Мне преподавал эту науку сам де Ритёр.

Это прославленное имя на мгновение согнало саркастическую усмешку с лица Истерлинга.

– Ритёр?

– Да, я служил под его командованием несколько лет тому назад.

Истерлинг был явно озадачен.

– А я ведь думал, что вы – корабельный врач.

– И врач тоже, – спокойно подтвердил ирландец.

Пират выразил свое удивление по этому поводу в нескольких щедро сдобренных богохульствами восклицаниях. Но тут губернатор д'Ожерон нашел уместным положить конец визиту:

– Как видите, капитан Истерлинг, все ясно, и говорить больше не о чем.

По-видимому, все действительно было ясно, и капитан Истерлинг угрюмо откланялся. Однако, раздраженно шагая обратно к молу и ворча себе под нос, он думал о том, что если говорить больше и не о чем, то предпринять кое-что еще можно. Уже привыкнув в воображении считать величественный «Синко Льягас» своим, он отнюдь не был расположен отказаться от обладания этим кораблем.

Губернатор д'Ожерон со своей стороны также, по-видимому, считал, что к сказанному можно еще кое-что добавить, и сделал это, когда Истерлинг скрылся за дверью.

– Дурной и очень опасный человек Истерлинг, – заметил он. – Советую вам, мсье Блад, учесть это.

Но Питер Блад отнесся к предостережению довольно беспечно.

– Вы меня ничуть не удивили. Даже не зная, что этот человек – пират, с первого взгляда видно, что он негодяй.

Легкое облачко досады затуманило на мгновение тонкие черты губернатора Тортуги.

– О, мсье Блад, флибустьер не обязательно должен быть негодяем, и, право же, вам не стоит с чрезмерным высокомерием относиться к профессии флибустьера. Среди них немало людей, которые сослужили хорошую службу и вашей родине, и моей, ставя препоны алчному хищничеству Испании. А ведь, собственно говоря, оно-то их и породило. Если бы не флибустьеры, Испания столь же безраздельно, сколь и бесчеловечно хозяйничала бы в этих водах, где ни Франция, ни Англия не могут держать своего флота. Не забудьте, что ваша страна высоко оценила заслуги Генри Моргана, почтив его рыцарским званием и назначив губернатором Ямайки. А он был еще более грозным пиратом, чем ваш сэр Фрэнсис Дрейк, или Хоукинс, или Фробишер и все прочие, чью память у вас

на родине чтят до сих пор.

И вслед за этим губернатор д'Ожерон, извлекавший очень значительные доходы в виде морской пошлины со всех награбленных ценностей, попадавших в гавань Тортуги, в самых торжественных выражениях посоветовал мистеру Бладу пойти по стопам вышеупомянутых героев. Питер Блад, бездомный изгнанник, объявленный вне закона, обладал прекрасным судном и небольшой, но весьма способной командой, и господин д'Ожерон не сомневался, что при недюжинных способностях мистера Блада его ждут большие успехи, если он вступит в «береговое братство» флибустьеров.

У самого Питера Блада также не было на этот счет никаких сомнений; тем не менее он не склонялся к такой мысли. И возможно, никогда бы и не пришел к ней, сколько бы ни пытались склонить его к этому большинство его приверженцев, не случись тех событий, которые вскоре последовали.

Среди этих приверженцев наибольшую настойчивость проявляли Питт, Хагторп и гигант Волверстон, потерявший глаз в бою при Седжмуре. Бладу, конечно, легко мечтать о возвращении в Европу, толковали они. У него в руках хорошая, спокойная профессия врача, и он всегда заработает себе на жизнь и во Франции и в Нидерландах. Ну, а они – моряки и ничего другого, кроме мореходства, не знают. Да и Дайк, который до того, как погрузиться в политику и примкнуть к бунтовщикам, служил младшим офицером в английском военном флоте, держался примерно того же мнения, а Огл, канонир, требовал, чтобы какой-нибудь бог, или черт, или сам Блад сказали ему, есть ли во всем британском адмиралтействе такой дурак, что решится доверить пушку человеку, сражавшемуся под знаменами Монмута.

Было ясно, что у Питера Блада оставался только один выход – распрощаться с этими людьми, с которыми сроднили его перенесенные вместе опасности и невзгоды. Именно в этот критический момент судьбе и было угодно избрать своим орудием капитана Истерлинга и поставить его на пути Питера Блада.

Три дня спустя после свидания с Бладом в доме губернатора капитан Истерлинг подплыл утром в небольшой шлюпке к «Синко Льягас» и поднялся на борт. Грозно шагая по палубе, он поглядывал своими острыми темными глазками по сторонам. Он увидел, что «Синко Льягас» не только отменно построенный корабль, но и содержится в образцовом порядке. Палубы были надраены, такелаж в безупречном состоянии, каждый предмет находился на положенном

месте. Мушкеты стояли в козлах возле грот-мачты, и все медные части и крышки портов ослепительно сверкали в лучах солнца, отливая золотом. Как видно, эти беглые каторжники, из которых Блад сколотил свою команду, были не такими уж рохлями.

А вот и сам Питер Блад собственной персоной – весь в черном с серебром, что твой испанский гранд; он снимает свою черную шляпу с темно-красным плюмажем и отвешивает такой низкий поклон, что локоны его черного парика, раскачиваясь из стороны в сторону, как уши спаниеля, почти закрывают ему лицо. Рядом с ним стоит Натаниель Хагторп, очень приятный с виду господин, примерно такого же возраста, как сам Блад; у него чисто выбритое лицо и спокойный взгляд благовоспитанного человека. Позади них – еще трое: Джереми Питт, молодой, светловолосый шкипер из Сомерсетшира; коренастый здоровяк Николас Дайк, младший офицер морского флота, служивший королю Якову, когда тот был еще герцогом Йоркским, и гигант Волверстон.

Все эти господа отнюдь не походят на оборванцев, какими поспешно нарисовало их себе воображение Истерлинга. Даже дородный Волверстон облек свои могучие мышцы для такого торжественного случая в испанскую мишуру.

Представив их своему гостю, Питер Блад пригласил капитана «Бонавентуры» в капитанскую каюту, огромные размеры и богатое убранство которой превосходили все, что Истерлингу приходилось когда-либо видеть на судах.

Негр-слуга в белой куртке – юноша, взятый в услужение на корабль с Тортуги, – подал, помимо обычных рома, сахара и свежих лимонов, еще бутылку золотистого канарского вина из старых запасов судна, и Питер Блад радушно предложил непрошеному гостю отведать его.

Помня предостережение губернатора д'Ожерона, Питер Блад почел за лучшее принять опасного гостя со всей возможной учтивостью, рассчитывая отчасти на то, что, почувствовав себя свободно, Истерлинг, быть может, скорее раскроет свои коварные замыслы.

Развалившись в изящном мягком кресле перед столом из черного дуба, капитан Истерлинг щедро воздавал должное канарскому вину, столь же щедро его похваливая. Затем он перешел к делу и спросил Питера Блада, не переменял ли он по зрелом размышлении своего решения и не продаст ли он судно.

– А если согласитесь продать, – добавил он, скользнув взглядом по лицам четырех товарищей Блада, – так увидите, что я не поскоплюсь, поскольку эти денежки вам придется поделить на всех.

Если капитан Истерлинг рассчитывал таким способом произвести впечатление на остальных собеседников, то следует отметить, что невозмутимое выражение их физиономий несколько его разочаровало.

Питер Блад покачал головой.

– Вы напрасно утруждаете себя, капитан. Какое бы мы ни приняли решение, «Синко Льягас» останется у нас.

– Какое бы вы ни приняли решение? – Густые черные брови на низком лбу удивленно поползли вверх. – Значит, вы еще не решили отплыть в Европу? Что ж, тогда я сразу перейду к делу и, раз вы не хотите продать судно, сделаю вам другое предложение. Давайте-ка вы с вашим кораблем присоединяйтесь к моему «Бонавентуре», и мы сообща сварганим одно дельце, которое будет не безделицей. – И капитан, очень довольный своим плоским каламбуром, оглушительно расхохотался, блеснув белыми зубами в обрамлении курчавой черной бороды.

– Благодарю вас за честь, но мы не собирались заниматься пиратством.

Истерлинг не обиделся, но и бровью не повел. Только взмахнул огромной ручищей, словно отметая нелепое предположение.

– Я вам не пиратствовать предлагаю.

– Что же тогда?

– Могу я вам довериться? – спросил он, и его взгляд снова обежал все лица.

– Как вам будет угодно, но боюсь, что при любых условиях вы только даром потратите время.

Это звучало не слишком обнадеживающе. Тем не менее Истерлинг приступил к делу.

Известно ли им, что он плывал вместе с Морганом? Совместно с Морганом он проделал большой переход через Панамский перешеек, и ни для кого не секрет, что когда подошло время делить добычу, унесенную ими из разграбленного испанского города, она оказалась куда меньше, чем рассчитывали пираты. Поговаривали, что Морган произвел дележку не по чести, что он успел заранее припрятать у себя большую часть захваченных сокровищ. Так вот, все это говорили недаром: он, Истерлинг, может поручиться. Морган в самом деле припрятал тайком жемчуга и драгоценных камней из Сан-Фелипе на баснословную сумму. Но когда об этом поползли слухи, он струсил. Побоялся, что припрятанные у него сокровища найдут и тогда ему крышка. И однажды ночью, когда они шли через перешеек, он где-то на полпути зарыл в землю присвоенные им драгоценности.

– И только один человек на свете знал об этом, – заявил капитан Истерлинг напряженно внимавшим ему слушателям (а подобное сообщение могло заинтересовать кого угодно). – Знал тот, кто помогал ему все это зарывать, – одному-то ему вовек бы не справиться. Так вот, этот человек был я.

Истерлинг помолчал, дабы грандиозность сделанного им сообщения поглубже проникла в сознание слушателей, и заговорил снова.

Он предложил беглецам отправиться вместе с ним на «Синко Льягас» в экспедицию за сокровищами, которые они потом поделят между собой по законам «берегового братства».

– Морган зарыл там ценностей самое малое на четыре миллиона реалов.

Подобная сумма заставила всех слушателей широко раскрыть глаза. Всех, даже самого капитана Блада, впрочем, совсем по иной причине.

– Право же, это очень странно, – задумчиво произнес он.

– Что кажется вам странным, мистер Блад?

Капитан Блад ответил вопросом на вопрос:

– Сколько у вас людей на борту «Бонавентуры»?

– Да что-то около двух сотен.

– И несмотря на это, двадцать человек моей команды представляют для вас такой интерес, что вы нашли для себя возможным обратиться ко мне с подобным предложением?

Истерлинг загоготал прямо ему в лицо.

– Я вижу, что вы ничего не понимаете. Люди мне не нужны, мне нужно хорошее крепкое судно, чтобы надежно поместить на нем наше сокровище. В трюме такого корабля, как ваш, оно будет спокойненько лежать себе, как в крепости, и тогда плевать я хотел на все испанские галионы, пусть они лучше ко мне не суются.

– Черт побери, теперь мне все понятно, – сказал Волверстон, а Питт, Дайк и Хагторп согласно закивали головами.

Но холодные синие глаза Питера Блада все так же, не мигая, смотрели на грузного пирата, и выражение их не изменилось.

– Это понять нетрудно, как заметил Волверстон. Но в таком случае, если делить на всех поровну, на долю «Синко Льягас» придется одна десятая всей добычи, а это ни в коей мере не может нас удовлетворить.

Истерлинг надул щеки и сделал широкий жест своей огромной лапищей.

– А какую дележку предлагаете вы?

– Мы должны это обсудить. Но, во всяком случае, наша доля не может быть меньше одной пятой.

Лицо пирата осталось непроницаемым. Он молча наклонил повязанную пестрым платком голову. Потом сказал:

– Притащите этих ваших приятелей завтра ко мне на «Бонавентуру», мы пообедаем вместе и составим соглашение.

Секунды две Питер Блад, казалось, был в нерешительности. Затем он принял приглашение, учтиво за него поблагодарив.

Но когда пират отбыл, капитан поспешил охладить пыл своих сподвижников:

– Меня предупреждали, что Истерлинг – человек опасный. Думаю, что ему польстили. Опасный человек должен быть умен, а капитан Истерлинг этим качеством не обладает.

– Сдается мне, ты что-то блажишь, Питер, – заметил Волверстон.

– Я просто стараюсь разгадать, зачем понадобилось ему заключать союз с нами, и раздумываю над тем объяснением, которое он этому дал. Вероятно, он просто не мог придумать ничего лучшего, когда ему был поставлен вопрос в упор.

– Так оно же проще простого, – решительно вмешался Хагторп. Ему казалось, что Питер Блад зря усложняет дело.

– Проще простого! – Блад рассмеялся. – Даже чересчур просто, если хотите знать. Проще простого и яснее ясного, пока вы не вдумаетесь в это хорошенько. Да, конечно, на первый взгляд он сделал нам заманчивое, даже блестящее предложение. Только не все то золото, что блестит. Надежный, как крепость, корабль, в трюме которого упрятано на четыре миллиона сокровищ, а мы с вами – его хозяева! Доверчивый же малый этот Истерлинг, слишком доверчивый для мошенника!

Помощники Блада задумались, в глазах их промелькнуло сомнение. Впрочем, Питт все еще оставался при своем мнении.

– У него нет другого выхода, и он верит в нашу честность, знает, что мы не обманем.

Питер Блад посмотрел на него с усмешкой.

– Не думаю, чтобы человек с такими глазами, как у этого Истерлинга, мог верить во что-нибудь, кроме захвата. Если он действительно хочет спрятать свое сокровище на нашем корабле (а тут, мне кажется, он не врет), то это значит, что он намерен завладеть и самим кораблем. Поверит он нам, как же! Разве может подобный человек, для которого не существует понятия чести, поверить, что мы не ускользнем от него однажды ночью, после того как примем его сокровища на борт, или даже попросту не потопим его шлюп, обстреляв его из наших орудий? Ты мне смешон, Джереми, со своими рассуждениями о чести.

Однако и Хагторпу еще не все было ясно.

– Ладно. Тогда зачем понадобилось ему искать этого союза с нами?

– Да он же сам сказал зачем. Ему нужен наш корабль! То ли для перевозки сокровища, если оно действительно существует, то ли еще зачем-то. Ведь он же пытался сначала купить у нас «Синко Льягас». Да, корабль ему нужен, это совершенно очевидно. А вот мы ему не нужны, и он постарается как можно быстрее от нас избавиться, можете не сомневаться.

И все же перспектива участвовать в дележе моргановского клада была, как заметил Питер Блад, весьма заманчива, и его товарищам очень не хотелось отвергнуть предложение Истерлинга. Стремясь к влекущей их цели, люди часто готовы идти на риск, готовы поверить в возможность удачи. Так было и с Хагторпом, и с Питтом, и с Дайком. Они решили, что Блад предубежден, что его восстановил против Истерлинга губернатор д'Ожерон, а тот мог при этом преследовать какие-то свои цели. Почему бы, во всяком случае, не пообедать с Истерлингом и не послушать, какие условия он предложит?

– А вы уверены, что он не отравит нас? – спросил Блад.

Ну уж это он в своей подозрительности хватил через край. Товарищи прямо-таки подняли его на смех. Как это Истерлинг может их отравить, когда он сам будет пить и есть вместе с ними? Да и чего он этим достигнет? Разве это поможет ему завладеть «Синко Льягас»?

– Разумеется! Поднимется на борт с шайкой своих головорезов и захватит наших ребят, оставшихся без командиров, врасплох.

– Что, что? – вскричал Хагторп. – Здесь, на Тортуге? В этой пиратской гавани? Полно, полно, Питер! Есть же свои понятия чести даже у воров, думается мне.

– Ты волен, конечно, рассуждать так. Я же склонен думать совсем обратное. Меня как будто бы еще никто не считал боязливым, однако я предостерег бы вас всех от такого опрометчивого шага.

Однако мнение большинства было против него. Вся команда загорелась желанием участвовать в походе, когда ей сообщили о том, какое было сделано предложение.

И на другой день, как только пробило восемь склянок, капитан Блад в сопровождении Хагторпа, Питта и Дайка должен был волей-неволей подняться на борт «Бонавентуры». Волверстона оставили наблюдать за порядком на «Синко Льягас».

Истерлинг, окруженный толпой своих головорезов, шумно приветствовал гостей. Вся его команда была на корабле. Больше полутора ста пиратов расположились на шкафуте, на полубаке и на корме – все до единого с оружием за поясом. Питер Блад мог бы и не обращать внимания своих спутников на эту странность: зачем пираты забрались на корабль, вместо того чтобы, как повелось, сидеть себе в тавернах на берегу? Все трое товарищей Блада уже и сами отметили про себя это подозрительное обстоятельство. Не укрылись от них и ядовитые ухмылочки этих негодяев, и у каждого мелькнула мысль, не был ли, в конце концов, прав Питер Блад в своих опасениях и не попались ли они в западню.

Но отступать было поздно. На полуюте, возле трапа, ведущего в каюту, стоял капитан Истерлинг, встречая гостей.

Питер Блад приостановился на мгновение и поглядел на ясное голубое небо и верхушки мачт, над которыми кружили чайки. Потом перевел взгляд на серую твердыню форта, утопавшую в жарком мареве на вершине скалы, на мол, пустынный в эти часы полуденного зноя, и, наконец, на большой красный корабль, мощный и величественный, отраженный в сверкающей глади залива. Его товарищам показалось, что он словно бы ищет, с какой стороны может прийти к ним помощь в случае нужды... Затем по приглашению Истерлинга Питер Блад ступил на полутемный трап, и его товарищи последовали за ним.

Каюта, как и весь корабль, запущенный и грязный, ни в коей мере не походила на капитанскую каюту «Синко Льягас». Потолок был так низок, что рослые Блад и Хагторп едва не касались его головой. Столь же убога была и обстановка каюты: несколько ларей с брошенными на них подушками вокруг простого, некрашеного стола, изрезанного ножами, давно не мытого. Невзирая на распахнутые настежь кормовые окна, воздух в каюте был спертым и удушливым: пахло канатами, затхлой трюмной водой.

Обед соответствовал обстановке. Свинина была пережарена, овощи переварены, и деликатный желудок мистера Блада положительно отказывался принимать эту с отвращением проглоченную пищу.

Под стать всему остальному была и приглашенная Истерлингом компания. С полдюжины головорезов изображали его почетную гвардию. Команда избрала их, заявил Истерлинг, чтобы они выработали и подписали соглашение от лица всех прочих. Помимо них, здесь было еще одно лицо – молодой француз, по имени Жуанвиль, секретарь губернатора д'Ожерона, присланный последним, дабы придать сделке законность. Если присутствие этого довольно никчемного субъекта с бесцветными глазками должно было в какой-то мере усыпить подозрения мистера Блада, то следует сказать, что оно только сильнее его насторожило.

Тесная каюта была заполнена до отказа. Гвардия Истерлинга расположилась за столом так, что гости с «Синко Льягас» оказались разъединенными. Питер Блад и капитан «Бонавентуры» уселись на противоположных концах стола.

К делу приступили, как только с обедом было покончено и прислуживавший за столом негр удалился. Пока же длилась трапеза, пираты веселились на свой лад, отпуская соленые шутки, видимо претендующие на остроумие. Наконец на столе не осталось ничего, кроме бутылок, чернильницы, перьев и двух листов бумаги – одного перед Истерлингом, другого перед Питером Бладом, – и капитан «Бонавентуры» изложил свои условия, впервые позволив себе назвать капитаном и своего гостя. Без лишних слов он тут же объявил Бладу, что запрошенную им одну пятую долю добычи команда «Бонавентуры» признала непомерной.

Питер Блад оживился.

– Давайте поставим точку над «і», капитан. Вы, по-видимому, хотите сказать, что ваша команда не согласна на мои условия?

– А как же еще иначе можно меня понять?

– В таком случае, капитан, нам остается только откланяться, поблагодарив за радушный прием и заверив вас, что мы высоко ценим это приятное и столь обогатившее нас знакомство.

Однако изысканная галантность всех этих чрезмерно преувеличенных любезностей не произвела ни малейшего впечатления на толстокожего Истерлинга. Обратив к Питеру Бладу багровое лицо, он нахально уставился на него своими хитрыми глазками и переспросил, утирая пот со лба:

– Откланяться? – В хриплом голосе его прозвучала насмешка. – Я уж тоже попрошу вас выражаться точнее. Люблю людей прямых и прямые слова. Вы что ж, хотите сказать, что отказываетесь от сделки?

И тотчас двое-трое из его гвардии повторили слова своего капитана, которые в их устах прозвучали словно грозное эхо.

Капитан Блад – назовем его теперь полным титулом, присвоенным ему Истерлингом, – казалось, был несколько смущен оборотом дела. Как бы в замешательстве он поглядел на своих товарищей, быть может ожидая от них совета, но они ответили ему только растерянными взглядами.

– Если вы находите наши условия неприемлемыми, – сказал он наконец, – я должен предположить, что вы не желаете более заниматься этим вопросом, и нам не остается ничего другого, как распрощаться.

Такая неуверенность прозвучала в голосе Питера Блада, что его товарищи были изумлены – никогда еще не случалось им видеть, чтобы их капитан сробел перед какой бы то ни было опасностью. У Истерлинга же его ответ вызвал презрительный смешок – ничего другого он и не ожидал от этого лекаришки, волею случая ставшего искателем счастья.

– Ей-богу, доктор, – сказал он, – вы бы уж лучше вернулись к вашим банкам и пиявкам, а корабли оставили людям, которые знают, как ими управлять.

В холодных синих глазах блеснула молния и мгновенно потухла. Но выражение неуверенности не сбежало со смуглого лица. Тем временем Истерлинг уже обратился к секретарю губернатора, сидевшему по правую руку от него.

– Ну, а вы что скажете, мусью Жуанвиль?

Белокурый, изнеженный французик снисходительно улыбнулся, наблюдая за оробевшим Питером Бладом.

– Не кажется ли вам, капитан Блад, что сейчас было бы вполне своевременно и разумно выслушать условия, которые может предложить капитан Истерлинг?

– Я уже слышал их. Однако, если...

– Никаких «если», доктор, – грубо оборвал его Истерлинг. – Условия мои все те же, какие я вам ставил. Все делим поровну между вашими людьми и моими.

– Но ведь это значит, что на долю «Синко Льягас» придется не больше одной десятой части добычи. – Теперь и Блад, в свою очередь, повернулся к мистеру Жуанвилю. – Считаете ли вы, мсье, такие условия справедливыми? Я уже объяснял капитану Истерлингу, что, хотя на нашем корабле меньше людей, зато у нас больше пушек, а приставлен к ним, смею вас заверить, такой канонир, какой еще никогда не бороздил вод Карибского моря. Этого малого зовут Огл, Нед Огл. Замечательный канонир этот Нед Огл. Не канонир, а сущий сатана. Поглядели бы вы, как он топил испанские суда у Бриджтауна!..

Казалось, он еще долго мог бы распространяться о достоинствах канонира Неда Огла, если бы Истерлинг снова не прервал его:

– Черт побери, приятель, да на что нам сдался этот канонир! Подумаешь, велика важность!

– Да, конечно, если бы это был обыкновенный канонир. Но это совсем не обыкновенный канонир. У него необычайно меткий глаз. Такой канонир, как Нед

Огл, – это все равно что поэт. Один рождается поэтом, другой – канониром. Он так ловко может пустить корабль ко дну, этот Нед Огл, как другой не вырвет и зуба.

Истерлинг стукнул кулаком по столу.

– Да при чем тут ваш канонир?

– Может случиться, что будет при чем. А пока я просто хочу указать вам, какого ценного союзника приобретаете вы в нашем лице. – И Блад снова принялся расхваливать своего канонира: – Он ведь проходил службу в королевском военно-морском флоте, наш Нед Огл, и это был поистине черный день для королевского военно-морского флота, когда Нед Огл, пристрастившись к политике, стал на сторону протестантов при Седжмуре...

– Да брось ты своего Огла, – зарычал один из офицеров «Бонавентуры» – здоровенный детина по имени Чард. – Брось, не то мы эдак проваландаемся здесь целый день.

Истерлинг, крепко выругавшись, поддержал своего офицера.

Питер Блад отметил про себя, что никто из пиратов даже не пытался скрыть свою враждебность, и с этой минуты их поведение предстало перед ним в ином свете: он понял, к чему они стремятся.

Тут вмешался Жуанвиль:

– Не согласитесь ли вы, капитан Истерлинг, пойти на некоторые уступки? В конце концов, доводы капитана Блада по-своему резонны. Он вполне мог бы набрать на корабль команду в сто матросов и тогда получил бы значительно большую долю.

– Тогда, может, она бы ему и причиталась, – последовал грубый ответ.

– Она причитается мне и теперь, – продолжал настаивать Блад.

– Ну да, как же! – получил он в ответ вместе с щелчком пальцами перед самым носом.

Блад видел, что Истерлинг нарочно старается вывести его из себя, чтобы затем наброситься на него вместе со своими разбойниками и тут же на месте прирезать и его, и всех его товарищей. А мсье Жуанвиля он заставит потом засвидетельствовать перед губернатором, что его гости первые затеяли ссору. Ему стало теперь ясно, для чего понадобилось Истерлингу присутствие здесь этого французика!

А Жуанвиль тем временем продолжал увещевать:

– Полноте, полноте, капитан Истерлинг! Так вы никогда не достигнете соглашения. Судно капитана Блада представляет для вас интерес, а за такие вещи следует платить. Вы, мне кажется, могли бы предложить ему хотя бы одну восьмую или даже одну седьмую долю.

Прикрикнув на Чарда, который громким ревом выразил свой протест, Истерлинг внезапно заговорил почти вкрадчиво:

– Что скажет на это капитан Блад?

Капитан Блад ответил не сразу, он раздумывал. Затем пожал плечами.

– Что должен я сказать? Как вы сами понимаете, я не могу сказать ничего, пока не узнаю мнения своих товарищей. Мы возобновим наш разговор как-нибудь в другой раз, после того, как я выясню их намерения.

– Что за дьявольщина! – загремел Истерлинг. – Вы что, смеетесь, что ли? Разве вы не привели сюда своих офицеров? Разве они не могут говорить за всех ваших людей, так же как мои? Что мы здесь решим, то мои ребята и примут. Таков закон «берегового братства». Значит, я имею право ждать того же самого и от вас, объясните-ка ему это, мусью Жуанвиль.

Француз мрачно кивнул, и Истерлинг зарычал снова.

– Мы тут, черт побери, не дети малые. И собрались не в игрушки играть, а договариваться о деле, и вы уйдете отсюда не раньше, чем мы договоримся, будь я проклят.

– Или не договоримся, как легко может случиться, – спокойно проронил капитан Блад. Нетрудно было заметить, что всю его нерешительность уже как рукой сняло.

– Как это – не договоримся? Какого дьявола, что это еще значит? – Истерлинг вскочил на ноги, всем своим видом изображая величайшую ярость, которая Питеру Бладу показалась несколько напускной – словно некий дополнительный штрих разыгравшейся здесь комедии.

– Я имею в виду самую простую вещь: мы можем и не договориться. – По-видимому, Блад решил, что пришло время заставить пиратов раскрыть свои карты. – Если мы с вами не придем к соглашению, что ж, значит, с этим покончено.

– Ого! Покончено, вот как? Нет, пусть меня повесят! На этом не кончится, а, пожалуй, только начнется.

– Это я и предполагал. Что же именно начнется, не угодно ли вам будет пояснить, капитан Истерлинг?

– В самом деле, капитан! – вскричал Жуанвиль. – Что вы имеете в виду?

– Что я имею в виду? – Капитан Истерлинг воззрился на француза. Казалось, он был вне себя от бешенства. – Что? – повторил он. – А вот что, послушайте, мусью. Этот докторишка Блад, этот беглый каторжник, хотел выпытать у меня тайну моргановского клада и нарочно притворился, будто решил войти со мной в дело. А теперь, когда все выпытал, начинает, как видите, отвиливать, бьет отбой. Теперь уж он вроде как и не хочет входить с нами в долю. Он хочет пойти на попятный. Мне думается, вам, мусью Жуанвиль, должно быть ясно, почему он хочет пойти на попятный, и нетрудно догадаться, почему я не могу этого допустить.

– Какое жалкое измышление! – насмешливо произнес Блад. – Что за тайна мне открыта, помимо пустых рассказней о каком-то где-то зарытом кладе?

– Нет, не «где-то», а вы знаете где. Я сваял дурака, все вам открыл.

Блад искренне расхохотался, чем даже напугал своих товарищей, которые теперь уже ясно видели, что дело принимает для них худой оборот.

– Ну да, где-то на Дарьенском перешейке! Весьма точный адрес, клянусь честью! При наличии таких сведений мне остается только отправиться прямо на место и забрать клад себе! А что касается всего остального, то я прошу вас, мсье Жуанвиль, обратить внимание на то, что «отвиливать» здесь начал вовсе не я. Я еще мог бы заключить сделку с капитаном Истерлингом, если бы, как было мною предложено с самого начала, нам гарантировали одну пятую добычи. Но теперь, после того как все мои подозрения подтвердились, я не намерен вести с ним никаких дел даже за половину всего его сокровища, если предположить, что оно действительно существует, чего я лично не допускаю.

При этих словах пираты, словно по команде, повскакали с мест, готовые к драке. Поднялся дикий шум, но Истерлинг, взмахнув рукой, заставил всех приумолкнуть. Когда шум стих, раздался тоненький голосок мсье Жуанвиля:

– Вы на редкость неблагоприятный человек, капитан Блад.

– Все может быть, все может быть, – беспечно сказал Блад. – Поживем – увидим. Последнее слово еще не сказано.

– Ну, значит, пора его сказать, – возвестил Истерлинг; он внезапно стал зловеще спокоен. – Я хотел предупредить вас, что раз вам известен наш секрет, вы не уйдете с этого судна, пока не подпишете соглашения. Но какие уж тут предупреждения, когда вы открыто показали нам свои намерения.

Не вставая из-за стола, капитан Блад поднял глаза на грузную фигуру капитана «Бонавентуры», стоявшего в угрожающей позе, и трое его помощников с «Синко Льягас» заметили с недоумением и тревогой, что он улыбается. Сначала он был необычайно нерешителен и робок, а теперь вел себя так непринужденно, так вызывающе! Понять его поведение было невозможно. Он молчал, и заговорил Хагторп:

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/rafael-sabatini/hronika-kapitana-blada>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)